

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1666](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1666)

М. С. Соломин

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РИСК: «ИЗБЕЖАТЬ НЕЛЬЗЯ, ПРИНЯТЬ» (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НОВОКУЗНЕЦКА)

Правильная ссылка на статью:

Соломин М. С. Профессиональный риск: «избежать нельзя, принять» (на примере работников угольных предприятий Новокузнецка) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 430—448. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1666>.

For citation:

Solomin M. S. (2020) Professional Risk: “You Cannot Avoid it, You Have to Accept it” (A Case of Coal Mine Workers in Novokuznetsk). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 430—448. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1666>. (In Russ.)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РИСК: «ИЗБЕЖАТЬ НЕЛЬЗЯ, ПРИНЯТЬ» (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НОВОКУЗНЕЦКА)

СОЛОМИН Максим Сергеевич — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

*E-MAIL: maksim.solomin.90@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8649-9425*

Аннотация. В статье рассматриваются возможные варианты концептуализации понятия «профессиональный риск» в рамках социологии риска. На теоретическом уровне выделяются два подхода: реалистский и конструктивистский. По материалам социологических исследований демонстрируются перспективы каждого из них. Оба подхода имеют существенные ограничения. Реалистский подход предполагает «отсутствие субъекта», тогда как конструктивистские исследования в попытке учесть субъектную природу риска зачастую апеллируют к реалистским категориям (возможный ущерб, опасность и др.) при интерпретации данного феномена. Это приводит к тому, что профессиональный риск не соотносится с общим контекстом жизненного мира профессии и представляет собой лишь реакцию на различные опасности. В соответствии с идеей дуальности структуры утверждается, что профессиональный риск не может быть реакцией на что-то, поскольку формируется жизненным миром профессии и воспроизводит его же в процессе принятия решений и их реализации.

PROFESSIONAL RISK: “YOU CANNOT AVOID IT, YOU HAVE TO ACCEPT IT” (A CASE OF COAL MINE WORKERS IN NOVOKUZNETSK)

*Maxim S. SOLOMIN¹ — Post-graduate Student at the Faculty of Social Sciences
E-MAIL: maksim.solomin.90@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8649-9425*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to possible options for conceptualizing the notion of professional risk within sociology of risk. At the theoretical level, two approaches are distinguished: realism and constructivism. The author considers prospects of both approaches and point out that there are substantial limitations. The realist approach implies “the absence of the subject”, whereas constructivist studies, in an attempt to take into account the subjective nature of risk, often appeal to realistic categories (possible damage, danger, etc.) when interpreting the professional risk. This results in a separation of professional risks from the general context of the professional lifeworld. In accordance with the idea of the duality of structure, it is argued that professional risk cannot be a reaction to something, since it is formed by the life world of the profession and reproduces it in the process of making decisions and their implementation.

The author uses coal miners as an example to show how decisions are made in an environment where danger becomes routine. The study is based on 13 semi-structured interviews. According to the findings the author concludes that professional risk as a set of decisions

На примере работников угольных предприятий Новокузнецка демонстрируется, как, начиная с этапа выбора профессии, субъект вовлекается в процесс принятия решений в среде, где опасность — «нормальный» элемент трудового процесса. Эмпирическую базу исследования составляют 13 полуструктурированных интервью. На основании полученных данных делается вывод, что профессиональный риск как способность принимать решения является конституирующим основанием «профессионального Я». Формирование устойчивой модели принятия решений в конкретной ситуации включает в себя следующие стадии: нормализация опасности, интериоризация идеологии контроля, инструментализация ценности здоровья.

Ключевые слова: профессиональный риск, реализм, конструктивизм, дуальность структуры, социология риска, шахтеры

lies at the heart of the “professional Self”. The formation of a stable decision-making model includes the following stages: normalization of danger, internalization of the control ideology, and instrumentalization of the health value.

Keywords: professional risk, realism, constructivism, duality of structure, sociology of risk, coal miners

Постановка исследовательской задачи и теоретическая рамка исследования

Неоднозначность и широкое употребление понятия «риск» указывают на актуальность «рисковой» проблематики в научном сообществе. При этом ни в социологии риска, ни в социологии профессий не сформировалось единых представлений о профессиональном риске и способах его изучения. Следуя за традиционным делением подходов к изучению риска в социологии [Lupton, 1999], мы предлагаем два подхода к концептуализации профессионального риска: реалистский и конструктивистский. В общем смысле для реалистов профессиональный риск представляет собой измеряемую величину уровня опасности, которая существует объективно, независимо от самого работника. В конструктивистском подходе профессиональный риск является социальным конструктом, который обусловлен как объективными (специфика профессиональной деятельности, организация труда и др.), так и субъективными факторами и связан с сознательными действиями субъекта, исполняющего свои профессиональные обязанности.

На уровне декларации конструктивистская перспектива нередко встречается в исследованиях социологии медицины [Bury, 1986]. Однако даже когда ученые заявляют, что исходят из конструктивистской методологии, работы зачастую со-

средоточены на количественной оценке рисковенных факторов, которым подвержен медицинский персонал [Lunn, 1987], что само по себе является реалистской задачей. Попытки учесть субъективное восприятие риска сводятся к тому, что субъекту приписывается цель минимизировать нежелательные последствия (речь, как правило, идет о возможном ущербе здоровью) при заданном наборе возможных угроз, который определяется исходя из специфики конкретной профессии. В подобном ключе исследуется не то, как индивид конструирует свое поведение в условиях опасности, а то, насколько его поведение отклоняется от предписанной модели восприятия риска [Гаврилов, 2009]. В итоге отсылка к конструктивизму выглядит не вполне убедительно по причине того, что исходный посыл остается реалистским: риск — это объективная опасность, исчисляемая как вероятность и ожидаемые значения ущерба [Aven, Renn, 2009].

Отдельно необходимо упомянуть подход С. Линга, именуемый в российской литературе концепцией «хождения по краю» (англ. — edgework) [Lyng, 2005]. Она была предложена как вариант социологического объяснения бурного роста экстремальных видов спорта, который наблюдался в западных странах примерно с 1960-х годов. По мнению С. Линга, это ответ на возрастающее отчуждение в трудовой сфере и рационализацию современной жизни. «Увлечение» риском позволяет людям выйти за рамки рутины, компенсировав тем самым недостаток личных переживаний [ibidem]. В дальнейшем этот подход использовался как самим С. Лингом, так и его последователями для анализа профессиональной деятельности, а точнее мотивов выбора экстремальных профессий, в основе которого лежит добровольное принятие риска [Roth, 2015].

В качестве примера отечественного исследования с использованием edgework можно привести работу А. М. Пивоварова и А. М. Хохловой, посвященную значению риска в жизни участников арт-сообществ [Пивоваров, Хохлова, 2014]. По мнению авторов, художники, как и экстремалы, делают выбор в пользу неопределенности и риска, с той разницей, что для экстремалов это способ на короткое время выйти «за пределы повседневного», тогда как для художников это необходимое условие, позволяющее сохранить творческую свободу и независимость. Данное исследование можно считать конструктивистским, ибо сама концепция С. Линга предполагает сочетание субъектно-объектной природы риска. Авторы уделяют значительное внимание не только объективным опасностям (статусная и карьерная неопределенность), но и рискованному поведению художника как осознанному способу реагировать на опасности: членство в арт-сообществах дает некоторые гарантии финансовой стабильности, но создает риск потери самобытности и «растворения» среди коллег. Тем не менее под риском и здесь понимается «возможность наступления событий, способных помешать индивиду или группе реализовывать свои цели и/или действовать в соответствии со значимыми ценностями» [там же: 141], то есть «ядром» этого определения является понятие возможного ущерба. Подобное определение представляется нам реалистским, с той оговоркой, что место исчисляемой вероятности занимает неопределенность (нежелательное событие может произойти, а может не произойти).

Широкое распространение реалистского взгляда на изучение профессионального риска можно объяснить, с одной стороны, стремлением перевести данное

понятие в измеряемые величины (вероятность наступления события, тяжесть последствий), с другой — тем, что сами работники при определении риска используют реалистские категории. Исследование субъективного восприятия рисков для здоровья среди шахтеров и работников пожарной службы показало, что несмотря на то, что профессия пожарного считается одной из самых опасных в обществе, шахтеры гораздо чаще склонны воспринимать свою профессию опасной [Anargul, Maria, 2013]. Данный вывод делается на основании того, что большинство шахтеров (51 %) признают наличие риска в своей работе, тогда как среди пожарных эта доля равна 23% [ibid.: 910]. Учитывая, что под риском понимается воздействие вредных факторов, мы не считаем подобные оценки парадоксальными (как это делают авторы). Шахта, являясь объектом с повышенной степенью риска, содержит в себе больше угроз [Perrow, 1994], поэтому нет ничего удивительного в том, что шахтеры чаще признают их наличие.

Теоретики «общества риска» не только указали на причину известности и множественности количественных оценок риска (хотя зачастую мы не *ощущаем* риски современности, мы *знаем* о них из различных экспертиз [Бек, 2000]), но и отметили их слабое место: полученные оценки невозможно сопоставить между собой, поскольку не существует универсального мерил риска [Short, 1990]. Несмотря на это, реалистский способ рассуждения о риске доминирует и в мышлении самих работников. Согласно исследованию М. Десмонда, организации с высоким потенциалом риска (куда можно отнести и шахты) мотивируют своих сотрудников принимать опасные для жизни решения, используя связку «риск = опасность» [Desmond, 2011]. Идеология таких организаций легитимирует опасность как «привычное» свойство профессиональной повседневности. Сотрудники интериоризируют идею, что они могут контролировать профессиональный риск, то есть сводить объективные угрозы жизни и здоровью к «маловероятному» событию, посредством собственных решений в потенциально опасных ситуациях. Именно благодаря такому мышлению работник чувствует себя в относительной безопасности [ibidem], хотя объективно решения, направленные на контроль одних рисков, могут порождать другие.

Как правило, с организационной точки зрения такой баланс между контролем и снижением вероятности опасных событий достигается путем соблюдения закрепленных норм безопасности. Нормы могут гарантировать возможность контроля, а могут и противоречить ей. Ранее нам удалось показать, в каких случаях закрепленные правила безопасности воплощаются в действиях шахтеров, а в каких ситуациях можно нарушить эти правила [Соломин, 2019]. В то же время нарушение — это действие, которое также имеет «правилообразный» характер и подчиняется следующим условиям: во-первых, работник уже оказывался в подобной ситуации и знает по собственному опыту, что совершаемое действие безопасно; во-вторых, действие несет потенциальную выгоду. При этом даже если действие безопасно, оно может и не стать типичным, если оно невыгодно, то есть эти условия должны выполняться одновременно. Так, в некоторых ситуациях использование средств индивидуальной защиты (СИЗ)¹ (регламентировано техникой безопасности) воспринимается как «издержки», поскольку затрудняет выполнение работы [ibidem].

¹ Обычно в них входят очки, самоспасатель, рукавицы, респираторы.

В решении следовать правилам или нарушить их в ходе выполнения рабочих задач конструируется допустимый порог риска, баланс между выгодами и опасными последствиями. Следуя выводам М. Десмонда, мы полагаем, что этот акт конструирования изначально содержит в себе реалистский взгляд на природу риска, который является базовым как на организационном, так и на индивидуальном уровне в рамках профессий, сопряженных с опасностями.

Исследователю, если он желает оставаться в конструктивистской логике анализа профессионального риска, необходимо не упускать связь последнего с категорией решения, ориентированного на «колонизацию будущего», то есть на некоторое желаемое положение вещей [Гидденс, 1994]. Решение неразрывно связано с активностью субъекта и зависит от его возможностей предотвратить опасность и/или достичь желаемого результата [Луман, 1994]. Последнее определяется объективными условиями, в которых существует жизненный мир профессий как специфический габитус, проявляющий себя в профессиональных интеракциях [Романов, Ярская-Смирнова, 2009].

Таким образом, можно заключить, что опасность выражает онтологическую объективность профессионального риска, а категория *решение* — его субъектные детерминанты [Зубков, 2003]. Мы предложили определять профессиональный риск как *совокупность возможных решений (действий) субъекта, обусловленных, с одной стороны, рамками жизненного мира профессии (знания, навыки, опыт, нормы), с другой — представлениями субъекта о возможных издержках/выгодах, получаемых в ходе осуществления профессиональной деятельности* [Соломин, 2019]. Подобная трактовка учитывает, с одной стороны, перспективу действующего субъекта, которую отстаивают представители конструктивистского подхода; с другой — то, что субъект ограничен в своих действиях условиями самой профессии.

Опираясь на феноменологическую позицию, мы исходим из предположения, что профессиональный риск, являясь частью жизненного мира профессии, воспринимается субъектом как должное и не рефлексивируется [Schütz, 1970]. В фокусе нашего внимания находятся шахтеры как профессиональная группа, в которой риск присутствует как постоянный элемент профессиональной деятельности, что позволяет нам обнаружить воплощение представлений о риске в конкретных действиях самих работников. При этом мы не разделяем феноменологические взгляды о том, что риск (и профессиональный риск в частности) — это реакция субъекта на кризисы, возникающие в процессе конструирования своей повседневности [Молчанов, 2007]. В соответствии с идеей дуальности структуры [Гидденс, 2005] мы утверждаем, что профессиональный риск — практика, которая инициируется профессией как объективной структурой и воспроизводит ее как систему в виде рутинных решений, реализуемых субъектом в пространстве и времени профессиональной деятельности. Исходя из этого, в данной работе на примере работников угольных предприятий мы ставим цель показать, каким образом происходит вовлечение субъекта в процесс принятия решений в среде, где опасность является «нормальным» элементом трудового процесса.

Эмпирическая база исследования

В январе — феврале 2020 г. мы провели 13 полуструктурированных интервью с работниками угольных предприятий Новокузнецка. Данный метод был выбран

по следующим причинам. Во-первых, мы ставим перед собой задачу выявить укоренившиеся установки о профессиональном риске [Tulloch, Lupton, 2003]². Во-вторых, с точки зрения эмпирической феноменологии именно этот тип интервью наилучшим образом решает задачу вывода «глубины смысловой структуры» жизненного мира на поверхность, доступную для анализа [Aspers, 2004]. В-третьих, представления о риске такой социальной группы, как шахтеры, малоизучены, что указывает на необходимость применения качественной методологии.

Опираясь на классификацию типов выборки для качественного исследования, разработанную М. Пэттоном [Patton, 2003], мы решили использовать критериальную выборку и отбирать информантов по двум критериям. Первый — наличие действующего подземного стажа (так, операторы службы автоматической газовой защиты³ формально являются сотрудниками шахты, но работают строго на поверхности). Второй критерий — опыт работы не менее трех лет⁴. Мы не берем во внимание различия, обусловленные иерархией должностей: важно, что все шахтеры находятся в одинаковой профессиональной среде и могут выступать субъектами принятия решений при осуществлении трудовой деятельности. Данные об информантах приведены в таблице 1. Имена сохранены с личного согласия информантов.

Таблица 1. Перечень информантов

Имя	Должность	Стаж работы
Александр	Горномонтажник	9 лет
Алексей	Механик участка	13 лет
Андрей	Электрослесарь	8 лет
Андрей	Главный специалист по дегазации	25 лет
Андрей	Горнорабочий подземный	3 года
Денис	Электрослесарь	7 лет
Дмитрий	Электрослесарь	10 лет
Евгений	Начальник участка	12 лет
Иван	Электрослесарь	9 лет
Максим	Машинист дизельно-гидравлического локомотива (ДГЛ)	13 лет
Сергей	Электрослесарь	32 года
Сергей	Помощник начальника участка	13 лет
Юрий	Проходчик	9 лет

² Дж. Таллок и Д. Лаптон в своей работе «Риск и повседневная жизнь» успешно показали целесообразность именно качественной методологии при изучении повседневных рисков, к которым они относили и «риски работы».

³ Служба, блокирующая производственную деятельность в опасных состояниях без участия человека.

⁴ Пилотные интервью показали, что информанты со стажем менее трех лет затрудняются «говорить о шахте» из-за недостатка опыта.

Гайд интервью можно условно разделить на следующие блоки, или сюжеты⁵:

1. *Выбор профессии.* Блок рассчитан на получение от информанта основных категорий и концептов, связанных с профессиональным выбором. Важен не только контекст, например, отношение референтной группы (семьи) к этому выбору, наличие альтернатив, но и мотивы информанта, исходя из которых он принимал решение стать шахтером, его первоначальные представления о профессиональном риске. Пример вопроса: «*При выборе профессии Вы обращали или не обращали внимание на то, что эта профессия опасна для жизни?*»

2. *Профессиональные качества.* Блок направлен на то, чтобы вычленил набор требуемых профессиональных качеств шахтера. Мы исходим из предпосылки, что образ идеального шахтера — это социальный конструкт, выполняющий интегративную (образ разделяется членами профессионального сообщества) и дифференцирующую функции (тот, кто не разделяет этот образ или явно ему не соответствует, не может быть членом профессионального сообщества). Дж. Зинн в одной из своих работ показал, что подобные образы неразрывно связаны (хотя и не всегда очевидно) с представлениями о риске как «допустимом ущербе» на мировоззренческом уровне [Zinn, 2012]. Пример вопроса: «*Есть ли у шахтеров какие-то исключительные качества, присущие только им, которые не встретишь у представителей иных профессий?*»

3. *Производственная среда и практики самосохранения.* Цель данного блока в том, чтобы подтвердить или опровергнуть тезис, что для работников шахта — это «пространство рутины», и его можно изменять своими действиями, чтобы обезопасить себя и/или облегчить выполнение производственных задач. Пример вопроса: «*Известно, что СИЗ необходимо использовать для того, чтобы снизить вероятность ущерба здоровью. Кроме использования СИЗ, Вы или Ваши коллеги предпринимаете что-либо для того, чтобы сберечь свое здоровье непосредственно во время работы?*»

4. *Наставничество и взаимодействие внутри трудового коллектива.* Т. Родс высказал мысль, что «рискованное поведение — это не просто индивидуальный выбор, а результат согласованных действий» [Rhodes, 1997]. Здесь наша цель состоит в том, чтобы проследить роль коллективных взаимодействий (к которым мы будем относить и наставничество) в формировании представлений о профессиональных рисках. Эти представления реализуются членами коллектива через принятие решений относительно тех или иных опасных ситуаций. Этим блоком мы стремимся показать, что правила субъективной оценки риска шахтером — это результат неформального коллективного опыта. Пример вопроса: «*Предположим, Вас закрепили наставником к новичку, на что Вы в первую очередь обратите его внимание?*»

Для анализа полученных данных использовалось выборочное кодирование, что сближает нас с аналитической традицией, именуемой *ground theory* [Страусс, Корбин, 2001]. Однако относить наше исследование полностью к этой традиции было бы неправильно. При интервьюировании заранее предполагалась некоторая структура, в которой роль субкатегории выполняло понятие «профессиональный

⁵ В данной статье мы уделяем мало внимания вопросу, какие именно ситуации признаются рискованными и как происходит определение их допустимости или недопустимости, поскольку этот анализ мы проделали в предыдущей работе [Соломин, 2019].

риск» как конструкт второго порядка. В нашем случае категориями являлись смысловые блоки гайда интервью. Мы фокусировались на тех участках текста, которые непосредственно относятся к рассматриваемым категориям. Именно в этом смысле наше кодирование является выборочным. На рисунке 1 изображена концептуальная схема, отражающая связь субкатегории «профессиональный риск» с другими категориями.

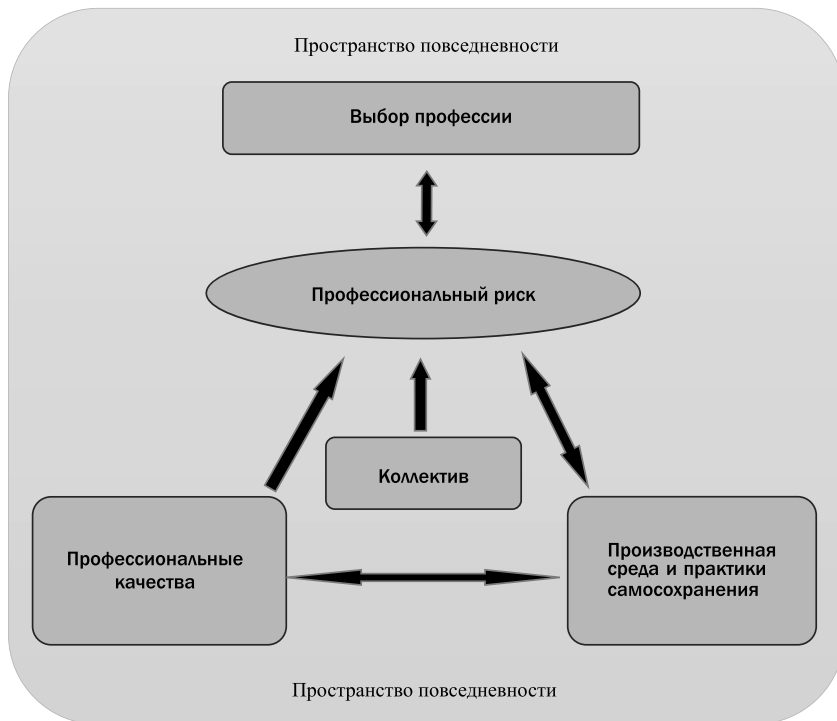

Рис. 1. Связь субкатегории «профессиональный риск» с другими категориями

Из диаграммы видно, что профессиональный риск неизбежен (ибо неизбежен процесс принятия решений), регионализован [Гидденс, 2005]: субъекты действуют в пределах некоторого пространства, которое в определенный момент становится частью повседневного мира вообще. Для шахтера таким пространством является шахта. Если говорить о темпоральных границах, то они соответствуют длительности рабочей смены. Стоит также отметить, что при выборе профессии субъект сам принимает решение, но он не оторван от социального контекста. Как мы покажем далее, многие шли в шахту по стопам дедов и отцов. Представления о допустимости или недопустимости действия складываются из таких категорий, как профессиональные качества шахтера и производственная среда. Эти факторы влияют друг на друга: с одной стороны, восприятие среды формирует представления об «опасных» и «безопасных» решениях, с другой — накопление опыта меняет восприятие среды, а также и представления о том, какими качествами нужно об-

ладать, чтобы быть шахтером. Все это в совокупности составляет «смысловое ядро» профессионального риска, которое является продуктом коллективного опыта.

Реализм + преемственность = шахта

Если бы нам было нужно показать механизм принятия решения о выборе профессии в виде математической формулы, то эта формула выглядела бы именно так, как указано в заголовке. Проиллюстрируем это цитатами информантов:

Самая первая причина, наверно, было то, что у меня отец шахтер, меня это и сподвигло, скорее всего. Вторая причина была заработная плата, все-таки заработная плата позволяет шахтеру жить, как бы нормально существовать, нежели, допустим... ммм... человеку, который работает, допустим, дворником, который за десятку семью не прокормит. Оплачиваемая работа и потому, что отец шахтер, было с кого брать пример. (Александр, горномонтажник, стаж 9 лет)

Как я к этой профессии пришел?! Потому что у нас, мы живем в шахтерском краю, у нас поголовно все шахтеры: отец шахтер, брат шахтер... ну и я для себя ничего нового изобретать не решился. В нашем краю это, можно сказать, самая высокая зарплата. (Сергей, электрослесарь, стаж 32 года)

Если бы жил где-нибудь в Сочи, я бы сто пудов... шахты я бы и не знал. (Алексей, механик участка, стаж 13 лет)

В приведенных суждениях мы обнаруживаем реалистский способ мышления: происходит сопоставление издержек («безопасно, но низкооплачиваемо») и выгод («потенциально опасно, но выгодно с точки зрения заработной платы»), с одной стороны, и влияние социального контекста — с другой. Подобный выбор нельзя рассматривать как способ «ухода» от рутины, как это делает, например, С. Линг в упомянутой работе об экстремальных видах спорта. Здесь решение принимается с позиции «выгодно/невыгодно». Некоторые информанты рассказывали, что изначально «хотели быть медиками, полицейскими» и др., но затем меняли свое решение: объем затраченных усилий, чтобы стать, например, врачом, слишком велик по отношению к получаемой выгоде, тогда как зарплата шахтера даже низкой квалификации достаточно высокая. Их социальное окружение оценивало такое решение как нормальное («это никого не удивило», «никто не хвалил»), несмотря на объективное наличие множественных источников опасности, которыми сопровождается шахтерский труд. При этом на «первом шаге» трудовой социализации никто из информантов не считал, что шахта — это опасность⁶.

Знаешь, как получается: отец у меня отработал? Отработал! Да, у него были травмы, но он жив-здоров? Жив-здоров! Вот я на основе вот этих фактов, наверно, посчитал, что не такая уж она [работа шахтера] и опасная. (Александр, горномонтажник, стаж 9 лет)

⁶ Еще одним ответом на вопрос, считал ли информант профессию шахтера опасной на этапе выбора, были реакции удивления: «Кто вообще о таком задумывается!» Это подтверждает, что выбор социально обусловлен, а опыт выбора не рефлексировался, потому что воспринимался как вполне естественный для жизненного мира в целом.

Выше мы приводили пример исследования, в котором на основе количественных данных сравнивалось восприятие профессиональных рисков в двух группах: «угольщики» и пожарных. Авторы назвали вывод, что первая группа считает свою профессию более рискованной, парадоксальным. Мы объяснили это тем, что шахта — это среда с повышенным потенциалом риска [Perrow, 1994]. Комментарии информантов это подтверждают:

Там много всяких механизмов, то есть если не подумав там руку засунуть не туда, можно остаться без руки. Либо газ метан присутствует, ну то есть возможно такое, как бы, что может произойти авария⁷. (Юрий, проходчик, стаж 9 лет)

Полгода отработал и погиб. Ну, он электрослесарем работал. Встали ленты, он пришел, посмотрел пускатель. Залез на головки... Лента сработала, и его сразу с одной на другую ленту и под барабан. И его размолотило всего. (Андрей, главный специалист по дегазации, стаж 25 лет)

Тем не менее сам факт признания опасности ничего не говорит нам об отношении к ней.

Аварии на предприятиях реже случаются, чем ДТП, к примеру. На грузовых машинах, на разрезах постоянно какие-то аварии происходят. (Иван, электрослесарь, стаж 9 лет)

Опасность профессии оценивается по частоте случающихся аварий. С конструктивистской точки зрения можно заключить, что решение работать шахтером субъективно оценивается как более безопасное, нежели решение работать водителем, потому что аварии на шахте случаются реже. Это неудивительно в контексте жизни в «угольном регионе», где опасность «вкраплена» в ткань социальной жизни, а отношение к ней передается от поколения к поколению. Сравнивая угрозы «горного дела» и других видов деятельности, субъект, выбирающий работу в шахте, чувствует себя в относительной безопасности.

Субъект и среда — дуальность структуры

Сложно не согласиться с утверждением, что каждая деятельность требует от человека определенных качеств. Предполагается, что если индивид выбирает опасную профессию, он должен иметь хорошую физическую подготовку, склонность к риску, собранность [Зуева, 2008]. Если под последней понимать способность быстро оценивать обстановку и принимать решения, то это действительно необходимо:

Я думаю, голова должна быть холодная. Должен принимать решения молниеносно, потому что если что-то вот там происходит начинается... Прямо вот оно случается, ну вот как практически в аварии на машине. То есть для этого какой-то комплекс должен

⁷ Именно из-за превышения уровня метана 8—9 мая 2010 г. произошло два взрыва на шахте «Распадская», в результате которых пострадали 229 горняков и горноспасателей, из них 12 горняков пропали без вести, 91 человек погиб [Воробьев, Акимов, Соколов, 2012].

выработаться. Чтобы ты вот что-то сделал, чтобы для себя... Как бы защитить, ну и тех, кто рядом, не ломать. (Алексей, механик участка, стаж 13 лет)

Категорию «склонность к риску» мы считаем не совсем применимой по отношению к шахтерам, поскольку саму профессию они не считают экстремальной. С точки зрения информантов, существует две причины уйти из шахты: страх шахтового пространства (например, страх заблудиться) и нежелание принять тяжелые условия труда — говоря языком шахтеров, «*в шахте не сможет работать тот, кто любит филонить, а не работать*» (Сергей, электрослесарь, стаж 32 года).

На этапе «вхождения в профессию» физическая подготовка действительно нужна, необходимо быть здоровым, чтобы быть допущенным к работе. В дальнейшем отношение к здоровью меняется, как и само здоровье:

Информант: В первые годы работы это вообще смех да грех. Тяжело было, дали мне наставничка деда, работал я тогда тоже на шахте «Заряновской» [шахта называется «Зырянская». — Прим. ред.], на участке ШТ [шахтный транспорт. — Прим. авт.]. Нам надо было вот, что я говорил, железобетонная затыжка 0,8 — весит она, по-моему, одна штучка четыре кг — и нам надо было перетаскать штук 200 затыжек с одного места на другое, потому что там не было доставки, ее выгрузили, и нам надо было перетаскать ее в то место, где нужно перекрепить горную выработку. Дали мне дедка, ну лет, наверное, 60. Старый, уже горбатенький, меньше меня ростом, скрюченный... Ну, короче, пришли мы на рабочее место и вот две затыжки — он берет, на плечо положил и пошел. Я так же, как он, глядя на него, хоп, две и пошел, раз, не знаю, ну пять я сходил, там расстояние метров 200 было, наверное, раз пять я сходил, все, я уже не могу, у меня уже плечо отнимается, я иду, они у меня сваливаются с плеча, я их подкидываю обратно, а он как ходил в одном темпе, так и ходит.

Интервьюер: И в чем секрет? Он потом рассказал?

Инф.: Да нет, я просто понимаю сам, что это уже натуральный горняк и он уже привык к этой работе, а я-то к этому не привык. Он уже, он выносливый, хоть он и старый, хоть ему 60 лет, хоть он и горбатенький, хоть он и маленький, но он ходит, и ходит, и ходит. Я это подкидывал, подкидывал — доподкидывался, что они, растяжки [затыжки. — Прим. ред.], раскрылись между собой, я себе мочку уха — шлеп, оно у меня такое опухло, и я думаю, да пошел ты, и я по одной затыжке. Он ни слова не говорил, он как ходил, так и ходил, как ходил, так и ходил, но я за ним старался, но только он по две уже таскал, а я уже по одной. (Андрей, главный специалист по дегазации, стаж 25 лет)

Из фрагмента видно, что наставник «нездоров», но это не мешает ему быть «выносливым» в глазах информанта. Как только решение работать в шахте принято, субъект уже вовлечен в практики профессионального риска (то есть в процесс принятия опасных решений). Далее под влиянием среды изменяется ценность здоровья: «здоровый» человек — это уже не тот, кто обладает хорошей физической подготовкой, а тот, «кто привык быть выносливым». Иными словами, здоровье утрачивает свою абсолютную ценность и становится инструментальным свойством, определяющим способность субъекта «функционировать [будучи] больным» [Фох,

1998]. Специфика среды определяет необходимость подобной трансформации. Тот, кто по каким-то причинам не принимает этого, уходит из профессии:

Пришел как-то один к нам. До этого в больнице он был хирургом, и вот он, может быть, хороший хирург, операции делал, но вот ему зарплата маленькая показалась, а у шахтеров типа большая. Ну, пришел, и день-два отработал, или он день даже отработал — и все, он пошел, рассчитался, и дальше стал своим делом заниматься. Потом я был у него на приеме, нужно было закрыть больничный. Так он, вспомнив, что я шахтер, еще на неделю мне продлил больничный. (Сергей, электрослесарь, стаж 32 года)

Инструментализация здоровья приводит и к трансформации практик самосохранения в практики поддержания функциональности.

Сам я дополнительно ничего не использую. Молодой еще, хватает СИЗов. Бывалые горняки, видел, надевают наколенники, мазями трутся перед сменой. Рассказывали, что кто-то даже пьет обезбаливающие. Наверное, у них уже есть проблемы, кто-то даже на регресс⁸ идет, а у меня пока нет. (Дмитрий, электрослесарь, стаж 10 лет)

Мы также соглашаемся с идеей М. Десмонда, что организации сами создают идеологию, в основе которой лежит понимание опасности как просчитываемой и контролируемой величины.

Ну, эти признаки [опасности], они прописаны в этих, во всех бумажках, во всей документации по технике безопасности. Там признаки, допустим... Где-то начало что-то хрустеть, я тебе образно опять же говорю. Было у меня такое тоже. Работали мы, бурили. Слышу, захрустело. Слышу, хрустит-хрустит. И как пошел хруст, и видно было, вот так вот кровлю, вот так садилась, вот так вот пошла посадка. Ну, не полностью, не до почвы, а слегка. (Максим, машинист ДГЛ, стаж 13 лет)

Ну, отслоения всякие, то есть пощелкивания, потрескивания. По этим признакам ты более-менее уже представляешь, что может произойти в той или иной ситуации. Опять же, чтобы себя обезопасить от внезапного выброса, там буришь опережающие шпурь, снимаешь давление. (Денис, электрослесарь, стаж 7 лет)

В данном случае идеология контроля реализуется через нормы техники безопасности, а воспроизводится шахтерами в тех или иных решениях, основанных на визуальном наблюдении за состоянием среды. Интериоризация этой идеологии — протяженный во времени процесс:

Ну, как бы, между нами, горняками, мы уже все говорим о том, что осторожно работают люди те, которые отработали более года до трех лет, те люди работают осторожно, до года — это большой травматизм человека, потому что он неопытный, лезет туда,

⁸ Регресс — финансовая надбавка к трудовой пенсии. Выплачивается в том случае, если при выходе на пенсию обнаруживается заболевание, приобретенное на работе. Упоминание этого термина позволяет считать, что работники осознают угрозу профзаболеваний.

куда не положено, не предохраняет себя. Ну, в общем, до года это... травмоопасная профессия для этого человека считается. А потом от года до трех лет уже набираются люди опыта. Набрав опыта, люди дальше начинают нормально трудиться. (Андрей, главный специалист по дегазации, стаж 25 лет)

Завершается этот процесс тем, что на уровне дискурсивного сознания главной причиной травм признается сам человек, поскольку вместе с накоплением опыта укрепляется и уверенность, что можно контролировать происходящее и сводить опасности к минимуму:

Даже вот эти массовые там, взрыв, если посчитать, они чисто случаются... как бы ну... По нашей вине. А сам себя травмировать ты можешь как бы абсолютно везде... Ты можешь дома себя травмировать, на улице можешь себя травмировать. Ну, как бы, если у тебя есть талант травмировать себя, то ты и в шахте себя травмируешь, на любой должности. (Иван, электрослесарь, стаж 9 лет)

Активность шахтера направлена на достижение цели — выполнение плана или даже перевыполнение, потому что это повышает заработную плату. Статусом особо ценного ресурса наделяется время. Не только субъект меняется, становясь шахтером: своей активностью он видоизменяет среду для эффективного распределения времени в пределах рабочей смены. Для этого необходимо «модернизировать» условия труда: кто-то приносит в шахту свои инструменты, потому что они более удобны в использовании, кто-то перешивает рабочую одежду. Есть и более опасные ухищрения:

Допустим, надо кровлю рубить по метру. Через каждый метр вставлять анкер. Но бывало у нас — и по три метра рубили сразу. Три метра отрубят, а она может сесть, кого-то придавить. Надо аккуратненько. Если кровля стреляет, щелкает, лучше делать по правилам, а если нет, можно и больше рубануть. (Андрей, электрослесарь, стаж 8 лет)

Мы сами себе делаем сходные площадки, ну в плане том, что там цепи вешаем... То есть, ну, грубо, это безопасно. У нас в шахте собака жила одно время, она даже... Она могла с прогончика запрыгнуть на полотно и слезть. Как бы... Ну, это риск, ну... Я считаю, он как бы оправданный... И он не то что оправданный, он безопасный. Вот как ты с дорогой пример привел, то есть допустимый риск. Допустимый риск, и который... Облегчает тебе, скажем, жизнь капитально... То ли тебе идти километр пешком, причем ты же идешь не по асфальтированной дороге, это еще где больше риска, там из почвы анкера торчат и булыжники валяются всякие. Споткнешься — упадешь... (Иван, электрослесарь, стаж 9 лет)

Таким образом, жизненный мир профессии существует в логике дуальности структуры: субъект, действуя в шахте, реконфигурирует свое «профессиональное Я» в соответствии с поставленными целями и с учетом специфики пространства, в котором эти действия реализуются. С накоплением опыта меняется восприятие среды, опасности рутинизируются, что приводит к расширению набора воз-

можных действий. Затем этот набор приобретает характер «термостата риска», то есть становится относительно постоянным [Adams, 1999]. Вероятно, «термостат риска» теряет устойчивость в моменты катастроф — таких как взрывы на шахте «Распадская». По официальным данным, причина взрывов — нарушение пылегазового режима⁹, приведшее к выбросу метана [Воробьёв, Акимов, Соколов, 2012]. В конструктивистском ключе данное действие можно рассматривать как изменение среды, которое привело к трагедии — массовой гибели людей, практически полному разрушению шахты. Возможно, именно поэтому, выражаясь языком наших информантов, «*После Распада [взрыва на шахте „Распадская“]. — Прим. ред.] с газом вроде больше не шутят*».

Коллективность профессионального риска

Коллектив непосредственно влияет на формирование представлений о допустимых или недопустимых решениях через трансляцию формальных и неформальных моделей поведения. Новичкам практическое знание передает наставник. Причем на дискурсивном уровне это знание не включает в себя неформальные способы выполнения задач. Аргумент тех, кто был в роли наставников, прост и выглядит примерно так: «*Я несу за него ответственность, случись с ним чего, я же буду в ответе, поэтому я буду следить, чтобы он все делал безопасно, повторял за мной*» (Сергей, электрослесарь, стаж 32 года). Стоит отметить, что и коллектив, если он достаточно сплоченный, может выполнять функцию наблюдения за безопасностью новичков. В таком случае, если кто-то видит, что новичок «*сует свой нос куда даже собака не совала*» (Андрей, электрослесарь, стаж 8 лет), начинающего работника останавливают.

Возникает вопрос: как вырабатывается, цитируя нормы техники безопасности, «привычка нарушать»? Наш ответ таков: через процесс подражания. Коллектив для новичка становится референтной группой даже в тех случаях, когда отношения внутри коллектива напряженные. «Чтобы он повторял за мной», — говорят наставники, нарушая нормы безопасности. Пожалуй, исключением является только езда на лентах: ей обучают целенаправленно. Приведем соответствующий отрывок из интервью:

Инт.: А как Вы, например, обучаете новичков передвижению по шахте?

Инф.: Так же ходи, как все, а вот по лентам выезжать — тут уже надо показывать.

Инт.: И как Вы это показываете?

Инф.: К примеру, показываешь, как надо на ленту запрыгивать. Потому что ты не с какой ноги захотел, с той и прыгнул. Ну, я, к примеру, тебе покажу. Ты вот подошел, лента у тебя вот здесь [показывает]. Какой надо ногой на ленту запрыгивать?

Инт.: Она идет прямо?

⁹ В шахте работают датчики, измеряющие уровень угольной пыли и газа. При нормальной работе, если датчик фиксирует превышение показателей, в шахте автоматически отключается электричество и продолжать работу невозможно. Соответственно, чтобы «нарушить пылегазовый режим», нужно вмешаться в работу датчиков, то есть изменить изначальные «настройки» среды. С точки зрения шахтеров, самый простой вариант изменить работу датчика — накрыть его какой-нибудь тряпкой или опустить на землю.

Инф.: Да, она идет туда.

Инт.: Ну, тут хоть вверх, хоть прямо.

*Инф.: Вот ты показываешь, если ты, ну, ближней ногой, короче, к ленте. Значит левой ногой. Если ты правой, тебя ж сразу понесет, и левой ногой ты захлестнешь себя и п**дец на**й [неизбежный летальный исход.— Прим. автора]. А когда ты на ленте едешь вперед, уже ближней ногой к площадке схода. Если тоже ты вот этой — тебя, опять же, вот так занесет и ты улетишь х*й знает куда. Вот это первым делом показываешь. И спрашиваешь, вот ты на лентах когда-нибудь ездил? Нет. Будешь? Ну, надо учиться! Вот ему показываешь, и едешь, вперед него прыгаешь, проезжаешь вперед, и он в метрах двадцати-тридцати от тебя прыгает, чтобы не дай Бог, если он не смог с ленты соскочить, чтобы ленту я мог остановить. А после него на ленту еще человек прыгает. Для подстраховки. И вот так, раз несколько покажешь — ну, смотришь, что он нормально прыгает, с ленты спрыгивает, тогда уже можешь ему, там, ну ладно, ехай сам. (Сергей, электрослесарь, стаж 32 года)*

Во всех остальных случаях не происходит какого-либо целенаправленного обучения или принуждения к опасным для жизни или здоровья практикам¹⁰. Новичок, попадая в коллектив, наблюдает за тем, как работают старшие товарищи, внедряя их неформальный опыт в свою практику.

Заключение

Статья посвящена концептуализации понятия «профессиональный риск». Исходя из теоретических оснований социологии риска, мы выделили два подхода: реалистский и конструктивистский. Фокус данной работы сосредоточен преимущественно на втором подходе, в рамках которого мы определяем профессиональный риск не только через категории вероятности нежелательного события и степени возможного ущерба (что характерно для реалистского подхода), но в первую очередь через категории «субъект» и «решение», которые являются базовыми для конструктивизма.

В то же время наш вариант конструктивистской логики несколько отличен от предшествующих. На примере рабочих угольных предприятий Новокузнецка мы продемонстрировали, что профессиональный риск — это не способ выйти за рамки трудовой рутины (концепция С. Линга) и не реакция на кризисы повседневного мира (феноменологическая концепция), а основание, конституирующее «профессиональное Я» субъекта. Прежде чем стать шахтером, человек проходит несколько стадий в процессе освоения профессиональной роли: нормализация опасности; интериоризация идеологии, утверждающей возможность контроля и минимизации возникающих угроз; а также инструментализация ценности здоровья. С течением времени влияние среды, локализованной во времени и пространстве, ослабевает. Работник становится субъектом, воспроизводящим жизненный мир профессии через принятие тех или иных решений, подстраивая не только себя под «нужды» угрожающей среды, но и меняя ее, исходя из собственных целей и до-

¹⁰ Еще одним исключением может служить подземная забастовка. Данный феномен изучался в 1990-х годах предшественниками Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) в контексте проблем реструктуризации угольной промышленности в связи с распадом СССР. Подробнее см. в [Бизюков, 1995]. Данная проблематика заслуживает отдельного рассмотрения, что выходит за рамки нашего исследования.

ступных средств. Профессиональный риск — это результат коллективного опыта. В этом смысле «опасные» решения характеризуются устойчивостью, по крайней мере, до катастрофических происшествий.

Список литературы (References)

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Бизюков П. В. Подземная шахтерская забастовка (1994—1995) // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 44—53.

Bizyukov P. V. (1995) *Underground Miner's Strikes*. *Sociological Studies*. No. 10. P. 44—53. (In Russ.)

Воробьев Ю. Л., Акимов В. А., Соколов Ю. И. Аварии на угольных шахтах // Системные аварии и катастрофы в техносфере России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2012. С. 283—286.

Vorobyov Yu. L., Akimov V. A., Sokolov Yu. I. (2012) *Accidents at Coal Mines. Systemic Accidents and Catastrophes in the Technosphere of Russia*. Moscow: Institute for Civil Defence and Emergencies (FSBI VNI GOChS). P. 283—286. (In Russ.)

Гаврилов К. А. Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов / отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2009.

Gavrilov K. A. (2009) *Sociology of Risk Perception: Experience of Reconstructing Key Approaches*. Ed. by Mozgovaya A. V. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107—134.

Giddens A. (1994) *Fate, Risk and Security*. *THESIS*. No. 5. P. 107—134. (In Russ.)

Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.

Giddens A. (2005) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akademicheskiiy proekt. (In Russ.)

Зубков В. И. Социологическая теория риска. М.: Издательство РУДН, 2003.

Zubkov V. I. (2003) *Sociological Theory of Risk*. Moscow: The Peoples' Friendship University of Russia Publishing House. (In Russ.)

Зуева Е. Н. Опасные профессии: конструирование профессиональной реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 1. С. 46—48.

Zueva E. N. (2008) *Dangerous Professions: The Construction of Professional Reality*. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 1. P. 46—48. (In Russ.)

Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135—160.

Luhmann N. (1994) *The Concept of Risk*. *THESIS*. No. 5. P. 135—160. (In Russ.)

Молчанов А. В. Социальная феноменология риска: риск как социальный конструкт // Омский научный вестник. 2007. № 4. С. 105—108.

Molchanov A. V. (2007) Social Phenomenology of Risk: Risk as Social Construct. *Omsk Scientific Bulletin*. No. 4. P. 105—108. (In Russ.)

Пивоваров А. М., Хохлова А. М. Риски творческой деятельности художников: «за» и «против» участия в арт-сообществах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 1. С. 139—154.

Pivovarov A. M., Khokhlova A. M. (2014) The Risks of Being Creative: 'Pros' and 'Contras' of Participation in Art Community. *Journal of Sociology and Social Anthropology (JSSA)*. Vol. 17. No. 1. P. 139—154. (In Russ.)

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25—35.

Romanov P. V., Iarskaia-Smirnova E. R. (2009) The World of Professions: A Revision of Analytical Perspectives. *Sociological Studies*. No. 8. P. 25—35. (In Russ.)

Соломин М. С. Когда опасности становятся рутинной: конструктивистский подход в исследовании профессиональных рисков (на примере работников угольных предприятий г. Новокузнецка) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 187—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.10>.

Solomin M. S. (2019) Danger Becoming Routine: A Constructivist Approach to the Study of Occupational Risk (a Case of Coal Mine Workers in Novokuznetsk). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 187—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.10>. (In Russ.)

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Strauss A., Corbin J. (2001) Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Technique. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Adams J. (1999) Cars, Cholera, and Cows: The Management of Risk and Uncertainty. *Policy Analysis*. No. 335. P. 1—49.

Anargul K., Maria M. (2013) Subjective Study of Risk Assessment in Miners Work. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 82. P. 908—912. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.06.370>.

Aspers P. (2004) Papers in Social Research Methods: Qualitative Series. No. 9. London: London School of Economics and Political Science Methodology Institute. URL: https://www.alexandria.unisg.ch/260712/1/04_Empirical%20Phenomenology.pdf (accessed: 03.11.2020).

Aven T., Renn O. (2009) On Risk Defined as an Event Where the Outcome Is Uncertain. *Journal of Risk Research*. Vol. 12. No. 1. P. 1—11. <https://doi.org/10.1080/13669870802488883>.

- Bury M. R. (1986) Social Constructionism and the Development of Medical Sociology. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 8. No. 2. P. 137—169. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.ep11340129>.
- Desmond M. (2011) Making Firefighters Deployable. *Qualitative Sociology*. Vol. 34. No. 1. P. 59—77. <https://doi.org/10.1007/s11133-010-9176-7>.
- Fox N. (1998) 'Risks', 'Hazards' and Life Choices: Reflections on Health at Work. *Sociology*. Vol. 32. No. 4. P. 665—687. <https://doi.org/10.1177/0038038598032004003>.
- Lunn J. A. (1987) Occupational Health Problems in Health Care Workers. In: Ward Gardner A. (ed.) *Current Approaches to Occupational Health*. Vol. 3. Oxford: Butterworth-Heinemann. P. 215—236. <https://doi.org/10.1016/B978-0-7236-0739-7.50020-2>.
- Lupton D. (ed.) (1999) *Risk and Sociocultural Theory: New Directions and Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511520778>.
- Lyng S. (ed.) (2005) *Edgework: The Sociology of Risk-Taking*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203005293>.
- Patton M. Q. (2003) *Qualitative Evaluation Checklist*. Kalamazoo, MI: The Evaluation Center at Western Michigan University. URL: <https://wmich.edu/sites/default/files/attachments/u350/2018/qual-eval-patton.pdf> (accessed: 03.11.2020).
- Perrow C. (1994) *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rhodes T. (1997) Risk Theory in Epidemic Times: Sex, Drugs and the Social Organisation of 'Risk Behaviour'. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 19. No. 2. P. 208—227. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.ep10934410>.
- Roth S. (2015) Aid Work as Edgework — Voluntary Risk-Taking and Security in Humanitarian Assistance, Development and Human Rights Work. *Journal of Risk Research*. Vol. 18. No. 2. P. 139—155. <https://doi.org/10.1080/13669877.2013.875934>.
- Schütz A. (1970) *On Phenomenology and Social Relations: Selected Writings*. Ed. by Wagner H. R. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Short J. F. (1990) Hazards, Risks, and Enterprise: Approaches to Science, Law, and Social Policy. *Law & Society Review*. Vol. 24. No. 1. P. 179—198. <https://doi.org/10.2307/3053792>.
- Tulloch J., Lupton D. (2003) *Risk and Everyday Life*. London: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781446216392>.
- Zinn J. O. (2012) Soldiers, Work and Emotions — Perspectives from the Sociology of Risk and Uncertainty. In: *Emerging and Enduring Inequalities (TASA 2012 Conference Proceedings)*. Parkville, VIC: The Australian Sociological Association. URL: https://www.researchgate.net/profile/Jens_Zinn/publication/281592166_Soldiers_Work_and_Emotions_-_Perspectives_from_the_Sociology_of_Risk_and_Uncertainty/links/55ef282d08aef559dc44bc68/Soldiers-Work-and-Emotions-Perspectives-from-the-Sociology-of-Risk-and-Uncertainty.pdf (accessed: 03.11.2020).